

Из фронтовой жизни

А. ТВАРДОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

КНИГА ПРО БОЙЦА

Военное издательство
Народного Комиссариата Обороны

1944

А. Твардовский—ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

Книга про бойца. Избранные главы.

ОТ АВТОРА

Н

а войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной, —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда. —
Лучше нет воды холдной,
Лишь вода была б вода.

На войне в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы — повар, парень свой.
Чтобы числился недаром,

Чтоб подчас не спал ночей,
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару, —
Подобрей, погорячей.
Чтоб итти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.

Однако,

Дело тут не только в шах!
Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,
Без тебя, Василий Тёркин,
Вася Тёркин — мой герой.

А всего иного пуше
Не прожить наверняка —
Без чего?
Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...
Что ж ещё? И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца,
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому что сроку мало
Начинать её сначала.
Почему же без конца?
Просто — жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.
Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу — время, час — забаве,
Дорог Тёркин на войне.
Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счёт.

Словом, книгу с середины
И начнём.
А там пойдёт.

ПЕРЕПРАВА

ереправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй — за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.
Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.
И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.
Сразу будто непохожи
На своих, на тех ребят.
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже

И родней, чем час назад...
Поглядеть, — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.
Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.
Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат.
Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто,
И минёт ли в этот раз?

Налегли, гребут, потя,
Управляются с шестом,
А вода ревёт правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...
А вода ревёт в теснине,
Ранний лёд в куски крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьётся в пене и в пыли...
А уж первый взвод, наверно,
Достаёт шестом земли.
Позади шумит протока,

И кругом — чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.
И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

Под огнём неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?
Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

Переправа, переправа...
Темень, холод... Ночь, как год...

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.
Не видать конца ночлегу,
За ночь грудой взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.
И, усталая с похода,
Что б там ни было — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.
Дремлет, скорчившись, пехота.
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.
Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом.
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.
Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

А, быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах, —
Мёртвым всё равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть ещё паёк им пишет
Первой роты старшина.
Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что ещё ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Своё сказали,
И уже — навеки правы.
И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...
Может так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жёстки зори
В декабре — к зиме седой.
Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.
То ли снится, то ли мнится,
Показалось — что нивёсть.
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке.
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?
— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутить, брат. Вода не та!
— Да, вода. Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..
Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.
Оба здорово предрогли,
Как бы ни было — впервой.

Подошёл сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастёрки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может это Тёркин? —
Кто-то робко пошутил.
— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться...
— Братцы — он!
И береговую корку

Ледяную обломав,
Он, как он, Василий Тёркин,
Встал живой, — добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.
Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали.
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?..

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив — здоров на зло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём.

Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...
Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец? —

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.

— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

о дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.
Шёл легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою, рукой.
Отлежался. Да к тому же
Шёлкал по лесу мороз,
Зашемлял в пути всё туже,
Подгонял, подмышки нёс...

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:

— Садись, пехота,

Щёки снегом бы натёр.

Далеко ль?

— На фронт обратно.

Руку вылечил.

— Понятно.

— Не герой?

— Покамест, нет.

— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.

Чуть ли что, свернёшь немного,
Как свернул — снимай шинель.
— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо. Да как когда...

Грузовик гремит трехтонный.
Вдруг колонна впереди.
Будь бы пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.
С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,
Смолк шофёр. Заснул шофёр.
Сколько суток полусонных,
Сколько вёрст в пурге слепой
На дорогах занесённых
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперёд — назад.
Гусеницы и колёса
На снегу ещё визжат.
На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,

Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.
— Вот беда! Во всей колонне
Завалёй нет гармонь,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трёт ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.
Уминая снег зернистый,
Впеременку, — пляс — не пляс, —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.
— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток, —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.
— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно б не вред.
— В чём же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет.
И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так...
С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя, обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:

— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж её беречь.

А стрелок:

— Вот в этой башне

Он сидел в бою вчерашнем... .

Трое — были мы друзья.

— Да нельзя, так уж нельзя.

Я ведь сам понять умею,

Я вторую, брат, войну...

И ранение имею

И контузию одну.

И опять же — посудите —

Может, завтра — с места в бой.

— Знаешь что, — сказал водитель, —

Ну, сыграй ты, шут с тобой!

Только взял боец трёхрядку,

Сразу видно — гармонист.

Для начала, для порядку

Кинул пальцы сверху вниз.

Что-то медленно по слуху

Подбирал, как будто лень,

На гармонь склонившись ухом,

Шапку сдвинув набекрень.

И от той гармошки старой,

Что осталась сиротой,

Как-то вдруг теплее стало

На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело —
Кто играет, чья гармонь.
Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста —
Словно что-то невдомёк.
Как он, парень посторонний,
Что случился по пути,
Как сумел он в их гармонии
Всё заветное найти?
И сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Вдруг повёл о трёх танкистах.
Трёх товарищах рассказ.
Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся?
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
— Ах, какой вы все, ребята.
Молодой ещё народ.
Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу,
Я не так ещё сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.
Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,

И давайте я на шутку
Это всё переведу. —
Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.
— Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом.
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.
Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы,
На носки не наступать! —

И бежит шэфёр тот самый,
Опасаясь опоздать.
Чей кормилец, чей помлец,
Где пришёлся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру! —
И пошёл, пошёл работать,
Наступая и грозя,

Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.
Словно в праздник на вечерке
Половицы гнёт в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк! —

А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ!
Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.

И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Злосшь, друг...

Нам теперь стоять в ремонте,
У тебя маршрут иной.

— Это точно!

— А гармонь-то,
Знаешь что, бери с собой.
Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту...

— Что вы, хлопцы, как же так?

— Ничего, — сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него... —

И с опушки отдалённой,
Из-за тысячи колёс,
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.
И опять — увалы, взгорки,
Снег да ёлки с двух сторон.
Едет дальше Вася Тёркин, —
Это был, конечно, он...

ДВА СОЛДАТА

В

поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гудит война.
На печи в избе — старуха,
Дед-хозяин у окна.
Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Тёркин дома,
Тёркин снова на войне.
И старик как будто ухом
По привычке не ведёт.
— Перелёт! Лежи, старуха. —
Или скажет:

— Недолёт... —
На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка,
Как покорная подруга,
За повадкой старика,
С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого всегда держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.
— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берёт, ну, что ты хочешь!..

Тёркин встал:

— А, может, дед,
У неё развода нет?

Сам пилу берёт:

— А ну-ка... —

И в руках его пила,
Точно поднятая шука,
Острой спинкой повела.
Повела, повисла кротко.

Тёркин щурится:

— Ну, вот.

Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отратно:

Завалившая пила

Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.

— На-ко, дед, бери, смотри.

Будет резать лучше новой,

Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато

У бойца берёт пилу.

— Вот что значит мы, солдаты, —

Ставит бережно в углу.

А старуха:

— Слаб глазами,

Стар годами мой солдат.

Поглядел бы, что с часами,

С той войны ещё стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, — в пыли,
Паутинами пружины
Пауки обволокли.
Знать, повесил в хате новой
Дед часы давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Всё ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:

— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул.
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул, —
Что ты думаешь — пошли!
Крутит стрелку, ставит пятый,
Час другой, вперёд — назад.
— Вот что значит — мы, солдаты, —
Прослезился дед-солдат.
Дед растроган, а старуха,
Наострив, как можно, ухо,
С печки слушает.
Идут!

Ну и парень, ну и шут...
Удивляется. А парень
Услужить ещё непрочь.

— Может сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Тёркин:

— Бабка, сало — здесь.
Не был немец — значит, есть!
И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...

Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит, — мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит.
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

— Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.
Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне. —

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.
Поперхнулся дед-солдат;
Подтянулся.
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал,
Пожевал — и сразу сыт.
А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Всё равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы.

— Пейте.

— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.
Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь.
Разрешь-ка дoloжить:
Хороши? А где сушить?
Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог
Да суконные портянки
Дай ты мне, — тогда я бог!
Снова где-то на задворках
Мёрзлый грунт боднул снаряд.

Как ни в чём Василий Тёркин,
Как ни в чём старик-солдат.
— Эти штуки в жизни нашей, —
Дед расхвастался, — пустяк.
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадёт, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.
— Но не знали вы бомбёжки,
Я скажу тебе, отец.

— Что ж, не знал. Не та эпоха.
Воевали всё ж неплохо.
Да и ты, отметить рад,
Ничего, видать, солдат.
Говоря иначе — воин,
Рассуждать со мной достоин,
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.
И скажи мне откровенно
Да не в шутку, а всерьёз,
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьём мы немца,
Неприятеля побьём?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,

Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.
Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрост.
И платочек к подбородку
Ровно сложенный поднёс.
Отряхнул опрятно руки,
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — всё ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Всё припомнил, всё проверил,
Подогнал — и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьём, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гремит война.
На печи в избе — старуха,
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперёд,
По снегам идёт Василий
Тёркин. Немца бить идёт.

КТО СТРЕЛЯЛ

Одымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.
В полверсте, в кустах — противник.
Тут шагам и пядям счёт.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идёт.
По следам страды вчерашней,
По немыслимой тропе.
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой густой траве.
По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опалённых у краёв...,
И откуда по-пустому
Долетел, донёсся звук,
Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!
И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.
И такой тоской родною
Сердце сразу обволок.
Фронт, война. А тут иное:

Выводи коней в ночное,
Торопись на пятачок.
Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —

Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.
Звук тот самый, при котором
В прифронтной полосе
Поначалу все шофёры
Разбегались от шоссе.
На одной постылой ноте
Ноет, воеет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.
Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...
Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится подстать.
С удивительной заботой
Предсказать тебе горазд:

— Вот сейчас он с разворота
И начнёт. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным рёвом
Самолёт ныряет вниз.
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти чёрной
Только собственной спиной.
Ты лежишь ничком, парнишка,
'Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.
Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.
Смерть грохочет в перепонках,
И далёк, далёк, далёк
Вечер тот и та девчонка,
Что любила ты и берёг.
И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне!
Нет, товарищ, зло и гордо,

Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если всё пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идёт.
Встал один и бьёт с колена
Из винтовки в самолёт.
Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.
Бой неравный, бой короткий.
Самолёт чужой, с крестом
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.
Накренься, пошёл по кругу,
Кувыркается над лугом, —
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!
Сам стрелок глядит с испугом,
Что наделал, невзначай:
Скоростной, военный, чёрный,
Современный, двухмоторный
Самолёт — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И з Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо...
— Видно место прогадал.
— Кто стрелял? — звонят из штаба. —
Кто стрелял, куда попал?..

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял?

А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих, —
Не зенитчик и не лётчик,
А герой — не хуже их?
Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.
Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит — парню счастье,
Глядь — и орден. Как с куста.
Не промедливши с ответом,
Парень шутку в адрес шлёт:
— Не горюй, у немца этот
Не последний самолёт...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешёл в герои Тёркин, —
Это был, понятно, он...

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведём,
Был, прошёл, забылся скоро,
Да и вспомнят ли о нём!
Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелала путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь по грудь;
Где брели бойцы понуро,
И, скользя с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи, —
Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шёл великий,
Что один у всей страны;
Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населённый пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нём осталось, ровным счетом,
Обгорелых три трубы.
Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,

И, казалось, что там бить?
Там в щёбенку — каждый камень,
В щепки — каждое бревно.
Называлось там Борками
Место чёрное одно.
А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.
Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шёл?
Бился ль ты в горах Кавказа,
Защищал ли Сталинград?
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат,
Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеко,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский Борки?
И у той черты кедаальной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а»...

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,

Виноватого, бывало,
Там, попробуй, поищи.
Артиллерия толково
Говорит: она права.
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.
А ещё сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.
А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнёт рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.
Так идёт оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласьи все подряд
Авиацию бранят.
Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.
И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из миномётов, —
Что ты хочешь, делай с ним.
Адреса разведка точно,
Шлёт посылки спешной почтой.
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждёшь за кочкой.
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянёт болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.
Кто-нибудь ещё расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.
Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки
Козью ножку завернуть.
И ни спичек, ни махорки —
Всё раскисло от воды.
— Согласись, Василий Тёркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.
— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники.

То ль от холода черны.
Говорит:
— В своём болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.
Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе:
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.
У тебя — в тылу ль, на фланге —
Сам не знаешь, как силён —
Бронебойки, пушки, танки, —
Ты, брат, это — батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия. Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты боец.
Ты в строю, прошу усвоить,
А, быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.
Ноги б с горя не носили:
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?
И однажды б ночью поздно
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сеной колне...

Тут, озлоб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И — разрыв! За ним — другой...
— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он — такой...

И за каждым тем разрывом
На примоакинувших ребят
Рваный дмет, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.
Тянет всех, зовёт куда-то:
Уходи, беда вот-вот...
Только Тёркин:
— Брось, ребята,
Говорю, — не попадёт.
Сам сидит как будто в кресле,
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.
Слушай лучше. Я серьёзно
Рассуждаю о войне.
Вот лежишь ты в той безхозной,
В поле брошенной копне.
Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать, ни взять.
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено
Той, где ты нашёл приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!
Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют, худые черти,
Сам слышал: «Москва моя».
Тут соорил Тёркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.
До того тянул он криво
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, — печёнки всн.
— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню, — ты б заплакал
От печали и стыда.
И смеёшься ты сегодня,
Потому что — знай, боец, —
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берём — не отдаст.
И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берёт,

Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул.

— Ого, сынок. —
Подивился Тёркин вздоху,
Посмотрел — ну, ну! — сказал, —
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Тёркин! Ну и малый!
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала.
— Я от тётки родился.
— Тёркин-тёткин, ёлки-палки,
Сыпь ещё на зло врагу.
— Не могу. Таланта жалко.
До бомбёжки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.
— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час...

Заключить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?
Что с удачей постоянной
Тёркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил.

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долэг до тоски
Летний бой за этот самый
Населённый пункт Борки.
И покуда где-то в сводке
Близ мной какой строки
Промелькнул строкой короткой
Населённый пункт Борки,
Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но, позвольте, скажут снова:
Так о чём тут речь идёт?

Речь идёт о том болоте,
Где война стелила путь.
Где вода была нехото
По колено, грязь — по грудь;
Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счёт, не в счёт —
Шли, ползали, лежали наши
Дни и ночи напролёт;
Где, подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков —
Населённый пункт Борки.
И в бою полубезвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придёт — ещё повстанут
Люди в памяти живой.
И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;
Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки;
Кто за тот, забытый ныне
Населённый пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почеть всем отдаст своима.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

ОТДЫХ ТЁРКИНА

Н

а войне, — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Там, где случай приведёт, —
Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть. Минут шестьсот.
Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.
И представь, что, вдруг покинув
В некий час передний край,
Ты с попутной машиной
Попадаешь прямо в рай.
Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.
Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник, — ноги обметай.
Дальше — горница и печка, —
Всё, что надо. Чем не рай?
Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у тёплой печи
На свободе поведи.

Осмотришься вокруг детально,
Вон — в ряду — твоя кровать:
И учти, что это — спальня,
То-есть место специально
Для того, чтоб только спать.
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою.
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.
И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты, помимо сна, обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как! — воюрос.
Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.
И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корезить хлеб штыком.
И такая установка
Строго-настрога дана:
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.
И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь ещё, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путём,
— Что ж, — решил Василий Тёркин, —
Как-нибудь не пропадём...

Вот обед прошёл и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз.

Покурил, зевнул и — на бок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет так на, мол, сразу две.
Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь;
Бережёт плечо в кровати,
Головой не повернёт.

Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.

А она —
Как королева:
Мол, одна,
А сколько вас.

Тёркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.
Хороша при смутном свете,
Дорога, как нет другой.
И, видать, ребята эти
Отдохнули день-другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь.
Как прохватывает ветер.
Как луна теплом бедна.
Ах, как трудно всё на свете:
Служба, жизнь, зима, война.
Как тоскует о постели
На войне солдат живой.
Что ж не спится, в самом деле,
Не укрыться ль с головой?
Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казись.
То ли жарко, то ли зябко —
Не понять, а сна всё нет.

— Да надень ты, парень, шапку, —
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:

— Ты не первый,

Не второй страдаешь тут.

Поначалу наши нервы

Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый

Головной убор солдат,

Боевой, пропахший дымом

И землёй, как говорят;

Тот обношенный на славу

Под дождём и под огнём,

Что ещё колючкой ржавой

Как-то прорван был на нём;

Тот, в котором жизнь проводишь,

Не снимая — так хорош! —

И когда ко сну отходишь,

И когда на смерть идёшь. —

Видит, нет, не зря послушал

Тех, что знали, в чём резон:

Как-то вдруг согрелись уши,

Как-то стало мягче, глуше —

И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока

С чувством редкостным — точь в
точь,

Словно где-нибудь далёко

Побывал за эту ночь.

Словно выкупался где-то,

Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто — жизнь.
И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.
Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.
Тут обвыкнешь-то, и крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идёт, слышал,
Голосует: «Подвези».
И четыре пуда груза
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал.
— Давай. Крути.

Ехал — близко ли, далёко,
Кому надо — вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.
Соскочил у поворота,
Вот и дома, у огня.
— Ну, докладывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Не занятно знать сейчас,
Как там что...

— Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз.
Хороши харчи и хата,
Осуждать не стану зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья...

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке —
Где нам случай приведёт,
Лучше вет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь вот так друг к дружке,
Отдохнуть. А там — вперёд.

В НАСТУПЛЕНИИ

только жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.
И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.
И прижившийся на диво
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.
И во славу зимних буден
В бане — пару не жалея —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.
На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Тёркина» читали
На досуге.

Вдруг — приказ....

Вдруг — приказ, конец стоянке.
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.
И уже обыкновенно
То, что ми́нул целый год,

Точно день. Вот так, наверно,
И война и всё пройдёт...

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идёт Василий,
Под огнём идёт в село.
И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога,
Не иначе, пролегла.
Что поделаешь — иному
И ещё кружнее путь.
И идёт иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнёт в дугу.
Цепь идёт, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.
И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно — что Тёркия тут.
Хорошо, хотя ознобцем
Принимает под огнём,
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нём.
Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берёт разбег,

Тёркин так же ждёт разрыва,
Камнем кинувшись на снег;
Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;
Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,
До вот этой бороздки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой,
Человек. Лежит и ждёт...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.
И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.
Где-то там в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал.
Хлопнул крышкой, точно двёркой,
Поднял шапку, вытер пот.
И дождался, слышит Тёркин:
— Взвод! За родину. Вперёд...

И хотя слова он эти, —
Клич у смерти на краю, —
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою, —
В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой.
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведёт,
Что за всё ответ священный
На себя уже берёт...
— Взвод! За родину. Вперёд.

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, козак, —
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперёд со взводом,
Обходя село с задов.
И пролёг уже далёко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.
Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперёд, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Суворов сам.

Только вдруг вперёд подался,
Оступился на бегу,
Чёткий след его прервался
На снегу...
И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка, с лодки в вир
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен. Ранен командир...
Подбежали. И тогда-то —
С тем и будет не забыт —
Он привстал:
— Вперёд, ребята,
Я не ранен. Я — убит...

Край села сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Тёркин,
Что вести его черёд.

— Взвод! За родину. Вперёд...
И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.
— Танки действовали славно.
— Шли сапёры молодцом.

— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
— А пехота?
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!

Словом, дело — красота!
И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит.
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.
Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.
Доложили, как обычно;
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен. Тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имён —
Тёркин — вырвалось — Василий.
Это был, не кто как он.

ТЁРКИН-ТЁРКИН

Цья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
По пословице солдата,
Тому надо обогрев.
Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберёт.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.
На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тѣщи и не дома,
Не в раю, однако — жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет,
Всю ощупывает строго,
Узнаёт — его иль нет.
Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
— Не один ты, братец, здесь,
— Отслонитесь, хлопцы. Темень.
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче он уже не тот.
— Ну, брат, он ещё даёт,
Отпускает, не скупится.

— Всё же с прежним не сравниться.

Снял сапог с одной ноги...

— Сами бегали, беги.

— Охо-хо, война, ребятки.

— А ты думал? Вот чудак.

— Лучше нет — чайку в достатке,

Хмель — он греет, да не так.

— Это чья же установка

Греться чаем? Вот и врешь.

— Эй, не ставь к огню винтовку.

— А ещё кулеи хорош...

Опрокинутый истомой

Тёркин дремлет на спине

От беседы в стороне.

Так ли, сяк ли — Тёркин дома,

Тёркин снова на войне...

Это раненым известно:

Воротись хоть в полк родной,

Всё не то — иное место,

И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки

Не такие ловит слух...

— Ну и что ж тогда он, Тёркин? —

Это слышит Тёркин вдруг...

Привстаёт, шурша соломой,

Что там дальше — подстеречь.

Никому он незнакомый,

И о нём как будто речь.

Но сквозь шум и гам весёлый,
Что стоял вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя?

Без оговорки

Тот опять:

— Само собой.

— Почему?

— Так я же Тёркин.

Это слышит Тёркин мой.

Что-то странное творится,

Непонятное уму.

Повернулись тотчас лица

Молча к Тёркину. К тому.

Люди вроде оробели:

— Тёркин — лично?

— Я и есть.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Хлопцы, хлопцы. Тёркин здесь.

— Не свернёте ли махорки? —

Кто-то выгасил кисет.

И не мой, а тот уж Тёркин

Говорит:

— Махорки? Нет.

Тёркин мой — к огню поближе,

Отгибает воротник.

Поглядит, а он-то рыжий,

Тёркин тот, его двойник.

Если б попросту махонди
Тёркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Тёркин,
Промолчал бы, мой герой.
Но поскольку водит носом,
Задаётся человек,
Тёркин мой к нему с вопросом:
— А у вас, небось, «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом,
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.

Возьми его!

Видит мой Василий Тёркин, —
Не с того зашёл конца.
И не то, чтоб чувством горьким
Уколото молодца, —
Не любил людей спесивых.
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Всё же Тёркин — это я...

Смех, волнение.

— Новый Тёркин.

— Хлопцы, двое.

— Вот беда...

— Как дойдет их до пятёрки,

Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь, — отвечает

Тёркин тот, поджав губу, —

Тёркин — я.
— Да кто их знает, —
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастёрки
Рыжий — книжку:
— Что ж я вам...
— Точно: Тёркин
— Только Тёркин
Не Василий, а Иван.
Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:
— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.
Этот выдыхнул затяжку:
— Да, но Тёркин-то — герой.

Тот шинельку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой.
Вот вам Тёркин-бронбойщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...
Тёркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.
Все кругом:
— Гармонь найдётся.
Есть у старшего.
— Не тронь.

- Что не тронь?
- Смотри, проснётся.
- Пусть проснётся.
- Есть гармонь!

Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.
И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть небрит.
И про вечер над рекою
Завернул, завёл навзрыд...
Тёркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь, — говорит.
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Тёркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят. —
Отвечает Тёркин тот.
Тёркин сам уже хохочет,
Сердцем мягким наделён.
И не так уже хлопочет
За себя, — что Тёркин он.
Чуть обидно, да приятно.
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Тёркин:
— Сделай милость —

Будь ты Тёркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Тёркин?

— Ну и лихо...
Хохот, шум, неразбериха.

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!
Что вы тут не разберёте?
Не поймёте меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Тёркин свой.
Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись.

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Тёркина в друзья.
Впрочем, всё тут мимоходом
К разговору вставил я.

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждёт весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.
Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас...

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой.
Где наш друг чинил часы.
Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Только вскорости без спросу
Снял их немец со стены.
Может, вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
Иль решил с нужды военной:
Как-никак, цветной металл...

Шла зима, весна и лето,
Немец жить велел живым.

Шла война далёко где-то
Чередом глухим своим.
И в твоей родимой речке
Плавал немец тыловой.
На твоём сидел крылечке
С непокрытой головой.
И — кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.
И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей.
Уберёгся ненароком,
Жить — живи, дышать не смей.

Ну и жили дед да баба
Без часов своих давно.
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно.
Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.
На дорожке возле хаты
Костылём старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...
— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди, — срок не мал...
Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:

— Перегруппировка...
И таинственно вздыхал.
У иных уже украдкой
Наготове был упрёк,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берёт.
Словно думал подороже
Запросить с души живой.

— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
Где ж он, дед, Будённый твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.
Отличал тотчас по слуху
Грохот русских батарей.
Поднимал в ночи старуху,
От окошка до дверей
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай! Вот так! Добавь! Прогрей!..

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.

— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар...

Самому казалось деду,
Что — хотел того иль нет —
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.
И, тая в душе кручину,
Для всего на свете эи
Сам угадывал причину
И придумывал резон.

А когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги и заботы
У людей слились в одну,
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену...

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
Ветки яблонь дождь стальной
Сек над головами.
Довелось под старость лег —
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать в часы приёма
Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
В темноте, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошёл солдат
Целый, невредимый,
Пошади его, снаряд,
В конопле родимой.
Просвисти над головой,
Но вблизи не падай.
Даже, если ты и свой,
Всё равно — не надо.

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи.
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже...

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплём.
— Ну, идут... немые.

По картофельным рядам
К погребушке прямо...

— Ну, старик, не выйди нам
Из готовой ямы.
Но старик встаёт, плюет
По-мужицки в руку,
За топор! — и наперёд
Заслонил старуху.
Гибель верную свою.
Как тот миг ни горек,

Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп.
И на шубу глухо
Осыпается окоп,
Обмерла старуха.
Всё же вроде как жива.
— Наше место свято. —
Слышит русские слова:
— Жители, ребята...

— Детки, родненькие детки, —
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, ещё в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

Жмурясь, дед поднялся в люке
— Погляди-ка, солнце! День!..

У бойцов рубахи в брюки —
Для удобства — под ремень.
На подбор орлы-ребята,
Хоть продрогли от росы.
Командир их, сам-десятый
(Вроде виделись когда-то),
Достаёт свои часы...

— Закурить? Крути, папаша.
Дед садится, вытер лоб:
— Ну, ребята, счастье ваше —
Голос подали. А то б...

Командир, смеясь, кивает:
— Ничего, на том стоим.
На войне не то бывает,
А, глядишь, и невредим.

— Точно так. — И тут бы деду
В самый раз что покурить,
В самый раз продлить беседу —
Столько ждал — поговорить!

Но они спешат не в шутку,
И ещё не снялся дым. \
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...
Командир ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:

— А это ж ты!
Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди скорей, старуха,
Узнаёшь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек, вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал, небось.
Смотрит он, шутник тот самый;
— Закусить бы счёл за честь,

Но ведь нету, бабка, сала!
— Да и нет, а всё же есть.
Закуси-ка, цел покуда...

— Это что! Не только цел:
Отступал солдат отсюда,
Наступает офицер.
— Офицер? Так, так. Понятно, —
Дед кивает головой. —
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?

— Нет, про то забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.
Откажи мне в чёрствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Тёркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю, — как получше,
На какой теперь манер:
Господин — сказать — поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами
И однако ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык.

Дед — плевать. А старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь, и эту руку
Взявши под локоть другой,
Всё смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси ещё, — просила, —
Закуси, поешь пока...

И спешил, а всё ж отведал,
Угостился, как родной.
Табачку отсыпал деду
И простился.
— Связь, за мной.

И уже пройдя немного,
Мастер внимателен и тут,
Тёркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?..

— Как не так! — И вновь готова
Бабка кинуться в слезу.

— Будет, бабка, двое новых
Я в подарок привезу.

ОТ АВТОРА

о которой речке плыть, —
Той и славушку творить...

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.
Но ещё не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придёшься ты по нраву,
А иным войдёшь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Тёркин, на Руси.
Тёркин? Кто такой? А ныне
Тёркин — кто такой? — спроси.

— Тёркин, как же!

— Знаем.

— Дорог.

— Парень свой, как говорят.

— Словом, Тёркин тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...

— Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?

Может, с Тёркиным беда?

— Не могло того случиться.

— Непохоже.

— Враки.

— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофёр.

В том бою лежали рядом,

Тёркин будто бы привстал,

В тот же миг его снарядом

Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо,

А слышали так, что мина...

— Пуля-дура.

— А у нас .

Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —

Всё равно, не в том вопрос.

А слова перед кончиной

Он какие произнёс?

— Говорил насчёт победы.

Мол, вперёд. Примерно так...

— Жаль, — сказал, — что до обеда

Я убитый натошак.

Неизвестно, мол, ребята,

Отправляясь на тот свет,

Как там что: без аттестата

Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Тёркин в ту минуту:
— Мне — конец, войне — конец.
— Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомёк:
Не подвержен Тёркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда правдой остаётся,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою.
Столько ляжку протаскив,
Выходить теперь из строя —
Извините! Тёркин жив!
Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживёт.

Всё худое он изведаль.
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

С первых дней години горькой
Мир слышал сквозь грозный гром,

Повторял Василий Тёркин:
— Перетерпим. Перетрём...

Нипочём труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Тёркину, теперь.
Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызёшь морковь.
Снова воду привелось
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колёса,
Где ступают сапоги!
Оглянись, как встал с рассвета,
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского низовья
До Днепра и Заднепровья
Вдаль на запад сторона, —
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет — то наша хата,
Где ни дым — то наш костёр,
Где ни стук — то наш топор,

Что ни груз идёт куда-то —
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то машину,
Где гони, гони машину,
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполонину,
Всю промерил, богатырь.
Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной за пояске
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.
Но куда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках твёрд и в горе горд,
Тёркин жив и весел, чорт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушёл Василий,
Вася Тёркин, твой солдат.

То серьёзный, то потешный,
Нипочём, что дождь, что снег, —
В бой, вперёд, в огонь крошечный
Он идёт, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Переправа	6
Гармонь	14
Два солдата	22
Кто стрелял	29
Бой в болоте	34
Отдых Тёркина	44
В наступлении	51
Тёркин-Тёркин	57
Дед и баба	64
От автора	73

Ректор *Е. Р. Римм.*

Технический редактор *Е. Н. Еремеева*

Корректор *Е. А. Павлова*

ГБ: 2235.

Подписано к печати 24.6.44.

Изд. № 151.

Объем 2 1/2 п. л.

1,9 уч.-авт. л.

В п. л. 44 000 т. зн.

Зак. 409.

Набрано в 1-й типографии Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

Сматрицировано и отпечатано в 1-й Образцовой типографии
госста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при СНК РСФСР.

Москва, Валовая, 28. Зак. № 1734.

К Ч И Т А Т Е Л Я М

***Издательство просит присылать отзывы
на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер., 3,
Воениздат***

Цена 30 коп.